

Алексей Бородкин

Цу-Е-Фа!

- камень - ножницы - бумага -

Алексей Бородкин

Цу-Е-Фа!

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бородкин А. П.

Цу-Е-Фа! / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Молодая женщина попадает в респектабельный дом, где она должна провести расследование. Призрак или злоумышленник? Потусторонние силы или игра больного воображения? Эта история сплошь состоит из загадок, однако распутывать "клубок ведьм" вместе с Героиней чертовски интересно. P.S. Рекомендовано ценителям классического камерного детектива. P.P.S. А также любителям остросюжетных историй. Содержит нецензурную брань.

Моя бабушка всегда говорила: "Не связывайся с загробным миром. Мёртвое пусть останется мёртвым, а живым – живое". Она работала гадалкой. И ещё она говорила: "Там точно что-то есть".

Бабушка гладко расчёсывала волосы, закрепляла их "невидимками", носила чёрное платье с белым воротничком – нечто среднее между монашкой и курсисткой.

"Чёрный цвет успокаивает, – повторяла она. – И живых и мёртвых".

Сейчас я готова спорить с этим утверждением. Во всяком случае, в отношении причёски – у меня их три.

Первая называется "Ведьма при исполнении" – волосы взволнованы, торчат во все стороны. Тут важно соблюсти меру, иначе исполнительная ведьма неминуемо превращается в ведьму умалишенную. Варьировать степень экстремизма можно косметикой. Зелёные тени плюс чёрные брови регулируют градус возбуждения. Красная помада говорит о нервозности и чувствительности, блеск на ресницах и бледная пудра – о лёгкой степени истерии.

Вторая причёска называется "леди Аддамс". Волосы ниспадают на плечи, плавно изгибаются в конце. Кудряшки недопустимы. Много геля, много лака. Контакт с клиентом усиливается чёрным обтягивающим платьем (глянец) и взглядом обращённым "в себя". Как это делается? После расскажу. Если останусь жива.

И наконец, "Принцесса Эльфов". Моя любимая причёска. Две косички опоясывают голову, открытый высокий лоб, позади – водопад мелких кудряшек и ленточек. Не возбраняются мелкие ракушки, блестящие камушки, кусочки кожи, монеты и прочая растаманская дребедень – в зависимости от настроения эльфийки. Причёска технически сложная, громоздкая, применяется только в исключительных случаях... Совсем забыла, для полного погружения в образ необходим кристалл – он крепится на лбу специальным клеем и светится от присутствия "тонкой энергии".

Вы спросите, для чего я это рассказываю? Чтоб показать насколько изменилась жизнь гадалки.

Бабушка призывала духов, устраивала спиритические сеансы, лечила шпоры и психические расстройства. Заглядывала в будущее... за небольшую дополнительную плату. Чтобы поразить соучастников "магических вечеров" ей было достаточно внезапно вспыхнувшей свечи, зелёного трескучего пламени или магического шара, левитирующего над столом.

"Обращай внимание на мелочи, – учила она. – Ничто не готовится так тщательно, как экспромт".

Я не понимала, что означает слово "экспромт", бабушка сердилась, называла меня бес-толочью и запирала в кладовке. Среди чучел, пыльных книг, изломанных корзинки и дохлых пауков. Я не боялась.

Бабушка имела одно платье, носила одну причёску и умела заговаривать зубную боль. Этого хватило, чтобы удачно выйти замуж. Она положила глаз на обедневшего петербургского графа, вскружила ему голову и женила на себе.

Несколько последующих лет ушло на восстановление капиталов (сие творилось не без помощи "потусторонних сил"), на потомство (бабушка произвела на свет четверых сыновей) и на сдерживание дедушкиных порывов. Блядун он оказался невероятный.

В бабушкином мире существовала магия: из могил поднимались покойники, мелькали призраки, на зов уиджи являлись души усопших – пускай для этого она добавляла в шампанское галлюциноген, чревоуещала и привязывала к шару тончайшие шелковые нити – магия оставалась магией.

"Не плюй в колодец, – говорила бабушка, – все мы когда-нибудь окажемся на том свете".

В этом она была абсолютно права.

Вот уже минуту передо мной сидел мужчина. Сидел и молчал. Смотрел на свою шляпу – он положил её на стол, – касался пальцами лба, вздыхал и опять молчал. Я тоже не нарушала тишины, следила за его рукой. Холёные длинные пальцы, аккуратно подстриженные ногти, мозолей нет и в помине, лишь только след от авторучки на среднем пальце.

"Этот господин тухлой солонины лопать не станет", – вспомнились слова Шарикова. Полиграфа Полиграфовича.

– Сварить кофе или вы зашли подремать? – спросила с нейтральной интонацией. – Могу предложить раскладушку.

– Кофе, пожалуйста.

Я ещё раз мысленно прокрутила фразу: всё в порядке, доля сарказма невелика, но она очевидна. А этот ведёт себя так, будто он помещик в своём имении. И даже не допускает мысли, что над ним могут подтрунивать.

Я сварила кофе, на блюдечко поставила кекс (я потрясающе пеку кексы). Кекс поставила один, чтобы проверить его рефлекс. Порядочный человек предложит угощение мне, и только получив отказ, откусит сам.

Этот безоговорочно присвоил лакомство себе.

– Вы должны мне помочь.

Вот так! Я ему уже задолжала! Нахал!

– Чем, позвольте осведомиться?

– Понимаете, – он развёл ладони, будто собирался хлопнуть, – у меня в доме творится чертовщина.

У меня тоже! У меня четыре кота и они творят беззаконие. Мне представляется, дело было так: в какой-то момент у кошек организовалось государство. Они избрали парламент и большинством голосов постановили, что я в доме обслуживающий придаточный элемент. А посему меня можно гнобить и всячески унижать. В качестве ответной меры, я купила электрошокер и жду повода её применить. Я буду действовать строго в пределах конституционного поля, ведь в государстве должна быть полиция, верно?

– А именно?

– Кажется завелась... нечистая сила.

– Кажется? – уточнила я. – Что значит "кажется"?

Он побледнел, через лицо пробежала тень... нет, не тень, скорее разлом – лицо исказилось от растерянности и страха. Он сбивчиво заговорил о голосах в подвале, о звуке льющейся воды посреди ночи, о царапинах на стенах и прочей дребедени:

– Когда всё это началось, я решил, Инга балуется. Инга – это моя дочь. Но такие штуки не в её привычках. Она вполне адекватный ребёнок...

Мужчина продолжал говорить, а я с грустью размышляла, что день сегодня явно несчастливый: "Такой клиент из рук уплывает... Ах!"

С этого зюзика (редкая категория клиентов: возраст около пятидесяти, состоятельный, душевно-воспалённый, готовый расстаться с деньгами), так вот, с этого зюзика я содрала бы не меньше трёх тысяч. Только за консультацию. Но полтергейсты не моя специальность. Выстрелы, взрывы, шум борьбы, отрезанные головы, кровяца – это не для меня.

У меня тихий, мирный бизнес: гадание, заговоры, лечение супружеских измен и болтовня. Много-много болтовни. Ах, если б вы знали, сколько приходится говорить! Увещевать, твердить, внушать.

Женщины (пожилые) приходят ко мне облегчить душу – это естественно. Не идти же им в поликлинику к терапевту? Терапевт старается от них отпихнуться, избавиться, как можно быстрее. А я выслушиваю, даю совет... или слабительное (редко и то и другое) и беру за это деньги.

– Сожалею, но вы обратились не по адресу. Вам нужно в церковь. Батюшка придёт, помажет кадилом и... – я показала, как будет происходить "таинство".

– Понимаете...

Он опустил глаза, заговорил быстро и маловнятно. Сказал, что ему порекомендовали меня, как хорошего специалиста: "Я сам далёк... и даже не соображу... понимаю... почему... не понимаю... хотел бы... помогите..."

– Кто меня порекомендовал? – Я решительно вклинилась в словесный поток.

Он оторопел, на мгновение замолчал, а потом неожиданно сорвался на крик:

– Какая разница? Это важно? – Он словно взбеленился. – Моя жена! Она ходит к вам уже несколько лет! Вернее, ходила! Недавно она умерла!

Вопль оборвался так же резко, как и возник. Мужчина замолчал, будто в лёгких кончился воздух, а с ним вышли и силы. Оттянул галстук, попросил воды.

Когда выпил стакан, успокоился и извинился:

– Простите, ради Бога! Простите, пожалуйста! Я вёл себя непозволительно. В последнее время, я весь на нервах. Когда умерла Мила – это моя жена, – я решил продать дом, быстро с этим не получилось, дело затянулось, пошло кувырком... У Инги теперь переходный возраст, ей вздумалось стать готом... вдруг, ни с того ни с сего... она сделала пирсинг, татуировку, перекрасила волосы в оранжевый цвет.

– Гот? В оранжевый? – уточнила я.

– Ну я не знаю! – взмолился он. – Может быть не гот, а гоблин... как это у подростков называется? У меня на руках осталась тёща. Она старая и больная и глубоко мне несимпатична, но я обещал Миле не отдавать её в пансионат. Ко всему этому прибавились неприятности со сверхъестественными силами...

Передо мной сидел глубоко несчастный мужик. У него было всё: бизнес (я так думаю), дом (который он хотел продать), машина, деньги, дочь и нелюбимая тёща. Не было только счастья... Иными словами, жены.

Всё есть, а жены нет... удивительно. Противоестественно. Станным образом это напоминало историю замужества моей бабки. Мой дед тоже долго мыкался, пока его прибрала к рукам бабушка...

И у меня нет мужа. Пока нет.

– Помогите! Я готов... – он полез в бумажник, достал две пятитысячные купюры. – Это аванс. Можете оставить его себе безо всяких обязательств. – Он сложил ладони перед грудью. – Просто поедомте ко мне... сейчас. Умоляю.

– Так! Уберите это! – строго приказала я. – Для начала давайте познакомимся. Меня зовут Джулия Хан.

Он извинился, вынул визитную карточку: Басов Антон Владимирович, генеральный директор и так далее. Я не ошиблась – бизнес у товарища Басова имелся, и бизнес приличный.

Я готова была согласиться и только одна мелочь не давала сказать "да": я совсем не помнила его жены.

Мила Басова... Басова Мила...

Журналов я не веду, скрытой съёмкой не балуюсь, а потому свериться или проверить практически невозможно.

Кто ж ты такая, Мила Басова? Маленькая худенькая мышка, что приходит ко мне примерно раз в месяц? Или гордая блондинка, которой я не видела уже полгода? Признавайтесь! Хм...

Приходя к гадалке, люди часто меняют имена, и этот тоже не добавляет определённости.

– Давайте поступим так. – Максимально суровый голос: – Я сделаю всё, что в моих силах, однако результата не гарантирую. – На тон мягче: – В мире тонких материй невозможно что-либо гарантировать. – С уверенностью: – И вас не обманули. Я действительно лучший эзотерик нашего города.

– Сколько это будет стоить? – спросил он без напряжения.

– О цене поговорим позднее.

Мне понравилась его беспечность. Приятно, когда клиент расстаётся с деньгами легко.

Город остался позади, замелькали стволы деревьев. Я хотела задать Басову вопрос, но он погрузился в свои бумаги. Кусал кончик карандаша, что-то считал на калькуляторе. Рука механически опустилась в полость, достала оттуда печенье. Я проследила путь и тоже извлекла из недр салона печенюшку. Погрызла.

"Много времени проводит в машине, – поняла. – Живёт здесь".

Деревья сделалась плотнее и темнее, почти смыкались над машиной.

"Где-то здесь обитала баба Яга, – подумала я. – Хорошее местоположение для избушки. Правда, взлетать не очень удобно... если в ступе. Если на метле – нормально. Интересно, а какое средство передвижения предпочитала старушка? Ступа комфортнее, метла – динамичнее".

У дороги стоял деревянный истукан, время и дожди согнули его к земле. Мне стало грустно. На ум пришел Лермонтов:

И скучно и грустно, и некому руку подать

В минуту душевной невзгоды...

Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..

А годы проходят – все лучшие годы!

"Вот уж кому действительно было скучно и грустно, – подумала я. – Поэт всегда одинок среди людей".

Пролесок закончился неожиданно, будто оборвался. За кустарником и строем молодых ненадёжных осинок показались воды Финского залива.

"Где мы?" – хотелось спросить. Я впервые оказалась в этих местах.

Басов скользнул по пейзажу равнодушным взглядом и вновь углубился в документы.

"Молодец! – одобрила я. – Не изменяй себе, Антоша! Думай!"

И задремала.

На железнодорожных рельсах машина сбавила скорость, грузно перевалилась. Я проснулась, выглянула в окно. Странное место: смесь до и пост революционной классики. Плюс вкрапления современности.

Огороженное сеткой трёхэтажное строение (склад, или лесопилка, или брошенная фабрика) оканчивалось ровной кирпичной стеной. Будто огромным ножом отрезали часть постройки, а прореху заложили кирпичом от фундамента до самой крыши. Точно по контуру здания.

Заросшие травой рельсы убежали в неизвестность – брошенная "ветка". Табличка на ржавом металле: "Не влезай!" Кости скрестились под желтушным черепом. На этой унылой детали "социализм" заканчивался.

Рядом начинался современный капитал-реализм: чернел кованый массивный забор с литыми вензелями и львиными мордочками по "типам", за забором – дом. Каменный трёхэтажный. Не слишком большой, но и не слишком маленький. Притом изящный: стрельчатые высокие окна, скошенные углы, намёки на шестиугольные угловые башенки и портик над парад-

ным. Весьма изящно... или я это уже говорила? Архитектор не придерживался определённого стиля, стараясь сделать красиво и удобно. Мне близка такая стратегия.

Ворота распахнулись, машина въехала в сад. Если можно назвать садом этот маленький странно-неухоженный кусочек парка.

Рука садовника разбросала тут и там чахленькие туи, саженцы лип, убогие карельские берёзки. Мелькнула позеленевшая бронзовая статуя, чаша фонтана, каменная скамья у плакучей ивы. Декадентство – это слово подходило лучше всего. Однако – я признаю это чистосердечно – декадентство в лучшем его проявлении.

Машина остановилась у парадного, Басов сложил бумаги в портфель, пригласил меня в дом:

– Пойдём? – спросил с какой-то юношеской надеждой. Словно комсомолец, который приглашает на танцы первую красавицу потока, и шалееет от собственной наглости.

– Естественно! Для этого мы и приехали. – Деловито ответила я, обозначая рабочую дистанцию.

"Не подпускай клиента слишком близко!" – это уже моё твёрдое правило.

"Он начинает борзеть", – следствие из вышеприведённого правила.

– У вас мило, – осторожно одобрила я, когда мы оказались внутри жилища. – В эфире чувствуется присутствие...

Что именно чувствуется "в эфире", я не успела уточнить.

– Дом очень старый, – перебил Басов. – С богатой историей, быть может поэтому... – Он замолчал, не договорив, и только взмахнул рукой.

"Поэтому тут поселился призрак", – мысленно закончила я.

Вслух возразила:

– Едва ли поэтому. В таком случае, призрак проявил бы себя ранее.

Я медленно обошла холл. Мне здесь понравилось: скромно, продуманно, удобно. Разве не этими принципами я придерживалась, когда оформляла свою магическую студию?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.